

Е В Г Е Н И Я М Э Й З

Мама
~~НЕ~~ НАВСЕГДА

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос-Рус)
М97

Мэйз Е.

М97 Мама (не) навсегда / Е. Мэйз — М. : RUGRAM_Publishing,
2024. — 306 с.

ISBN 978-5-517-11324-5

— Точнее, я прошу о помощи тебя, — продолжает мужик, не заметив моего хамства. Я поворачиваюсь к нему, окидывая его взглядом. Что этот богатеи может хотеть от меня? Благодарности? — Тебе не светит. Обратись в какую-нибудь другую палату. А еще лучше в... — Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю! От его резкого тона внутри все дергается. Я смотрю на него, не понимая, как он провернул это. Мой муж мент и я не из пугливых. — Я хочу, чтобы ты стала матерью моего ребенка. Неделю назад в моей жизни было все, что можно было только пожелать — муж, дом и скорое пополнение в семействе. Сегодня все мое богатство — это комплект вещей и крестик на шее. — Я же сказала: за извращениями в другую палату... — Я не хочу делать с тобой детей. Я хочу, чтобы ты побыла матерью моего сына.

BIC FRD
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-517-11324-5

© Евгения Мэйз, текст, 2024
© Кристина Леола, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

ГЛАВА 1

Раис

— Просто объясни мне, почему я, — говорю я, обращаясь к Рафкату, — почему ты выбрал меня?

Я перевожу взгляд на место рядом с братом, скользя взглядом по совсем новеньким буквам на плите.

— И почему ты позволила ему это?

Брат и его жена Вероника не отвечают, а мне до безумия сильно хочется понять, чем руководствовались эти двое, вписывая в завещание и во всевозможные бумаги мое имя.

— Не ты ли говорила, что я самый безответственный из всех людей, если дело касается семьи и отношений? Кто кричал, что я последний, кому ты доверишь свою жизнь? Почему ты согласилась с ним? Что мешало выбрать Ренату? Почему не подумала о своих родственниках? Ты видишь, что я не могу дать твоему сыну то, что он так отчаянно просит! Я не мать и никогда не буду ей! Не пойму, как быть женщиной с ее материнским инстинктом!

Прикрыв глаза, я устало потер переносицу.

— Вы ошиблись с выбором, ребята.

Вновь посмотрел на плиту с уложенными с двух сторон венками, поднялся и подобрал несколько испорченных, выбросив их в контейнеры по дороге к выходу.

— Приведи... — Я поднял взгляд на сторожа, вновь задумавшись о его возрасте. — Приведите в порядок могилу, —

произнес, раскрыв портмоне с несколькими купюрами. — Уберите венки, ленты и свечи.

Вытащив купюры с изображением Хабаровска, я протянул их работнику «парка душ».

— Это много для того, чтобы просто прибраться, — проговорил мужчина, не убрав протянутой руки с зажатыми в ней купюрами.

— Закажите цветы, сколько нужно для таких мест. Пусть это будут каллы. Всегда свежие.

Я смял отделения бумажника, не найдя в нем ничего больше. Не предлагать же старику карту, в самом-то деле! Будет выглядеть, что я издеваюсь над ним. Место близкое к Богу, но вряд ли тут хороший Wi-fi.

— Моя визитка, — проговорил я, вытащив картонку с выделившимся осадком неловкости на душе. — Свяжитесь со мной, как возникнет необходимость — переведу деньги на ваш счет.

Не знаю, что привело меня сюда этим вечером.

Все слова прощания и вопросы были сказаны и заданы месяц тому назад. Но сегодня, кажется, кошки на душе скребли сильнее и интенсивнее, чем, скажем, вчера или позавчера.

Они взялись за старое, стоило сесть за руль и завести авто.

«Твои глаза такие ясные, как небо. Назад нельзя — виною сила притяжения. Твои глаза, останови движение! Я остановлю эту планету!»

Потянувшись, я выключил автомагнитулу, которая должна была помочь заглушить мысли, а не поднять воспоминания. Образ Вероники с ее невероятным взглядом синих глаз всплыл в сознании, заставив дернуться от укола в сердце. Авто вильнуло в сторону, но сплошную не пересекло.

— Ты справишься! — произнес я, повторив придуманную мантру. — Справишься!

Я говорил, а сам думал о том, что сегодня лучше, чем вчера — никто не позвонил, не написал и не попытался вырвать из офиса.

— Это такое же дело, как все остальные!

На мгновение мной овладело беспокойство, заставив потянуться к смартфону на панели, чтобы набрать и спросить, как дела дома.

Чувство самосохранения заставило убрать пальцы, попросив не тревожить наступивший покой и наслаждаться дорогой.

Последняя была очень похожа на Москву-реку с отражающимися в ней огнями. На этом сходство с природой заканчивается. Особенно, если открыть окно — выхлопные газы, звуки ревущих из-под капотов движков, крики автомобилистов. Все совпадет на сто десять процентов, если оказаться за рулем в час пик.

Причина, почему этот город невыносим — шум, серость, климат, экология и одиночество, конечно же.

«А как же Радомиръ?» — шепнул внутренний голос, очень напомнив голос снохи.

Я принялся всматриваться в номера тачек впереди, пытаясь сложить из букв какие-то слова или аббревиатуры. Все, только бы не думать о ребенке в данную минуту. Мне нужно научиться абстрагироваться и не думать о нем, как о любом другом головняке, иначе поехать крышей не долго.

— Добрый вечер, Раис Каримович, — проговорили в трубке, которую я поднял с ощущением полного поражения. — Юлия Анатольевна вас беспокоит.

Мне лишь показалось, что жизнь начинает входить в нормальное русло, и крик Рада на фоне лишь подтверждает это осознание.

Кто бы мог подумать, что меня станет выводить из себя детский плач? Меня, выросшего в большой и шумной семье, где постоянная болтовня и громкое выражение эмоций было вполне себе нормой?

Однако дело не в звуке, а в простом осознании собственного бессилия — я не могу поделаться с этим ничего. Ребенку не прикажешь заткнуться и не совершь, только бы он проглотил слезы. Только не такому маленькому, что понимает мир на уровне флюидов. Рад не понимает, почему все изменилось, и требует пахнущую молоком женщину.

— Раис Каримович? — напомнила о себе нянька.

— Я слушаю вас, Юлия, — проговорил я, втянув в легкие воздух, как если бы собрался бороться с кем-то. — Говорите.

Я не жду от этого звонка ничего хорошего. Интуиция подсказывает, что сегодня будет то же самое, что и две недели тому назад — новый человек в доме, плач и новые версии происходящего. С одной лишь разницей: я уже не поведу на это. Я не задаюсь вопросом: как это возможно — плакать и плакать круглыми сутками? Радомир родился здоровым ребенком и у него отлично развитые легкие. Вот и все. Не больше, не меньше.

— Светлана Валерьевна не пришла и заранее не предупредила, что может задержаться.

Я чуть было не ляпнул: а от меня вы чего хотите? Понятно, чтобы я разобрался с ситуацией и отпустил ее домой. Просить ее остаться на эту ночь я не могу чисто по-человечески причинам. Если мне невыносимо слышать ребенка, что не унимается и зовет мать, то что говорить про женщину, у которой нервная реакция на раздражители подобного рода должна быть прописана на генетическом уровне. О да! Я теперь разбираюсь и в этом! Просветили!

— Вы звонили ей?

— Она не отвечает, — проговорила женщина с драматическими интонациями в голосе. — Не предупредила, не позвонила и даже не написала...

Нянька медлит, словно силится вспомнить, что еще можно «не сделать».

— Уверены, что она не просила ни о чем таком заранее? — спросил я, без труда увидев недостающий вариант в ее маленьком списке.

— Раис Каримович, я не выжила из ума, — тянет женщина с прорезавшейся в голосе чопорностью.

— Это был вопрос и только, — отвечаю миролюбиво.

Нельзя ссориться с ней. Иначе завтрашний день превратится в кошмар. Неожиданно свалившееся опекунство научило меня смирению и терпимости к чужим недостаткам.

— Юлия Анатольевна, задержитесь, пожалуйста, на час или два. Максимум на три. Как всегда, с меня двойная оплата за эти часы.

— Хорошо, — ответила донельзя неприятная мне женщина, но теперь, в отличие от всех прочих дней, без особого энтузиазма. — Наличкой.

Пеленки, памперсы, распашонки... Няньки, педиатры, массажисты... Это не мое! Другое дело провести аудит, составить бизнес-план, продумать стратегию и вытащить компанию из задницы мира. Это я могу, а вот возиться с ребенком, выбирать ему няnek, думать о врачах и всем прочем — нет.

— Оль, привет, — поздоровался я, но перед этим с облегчением выдохнул. — Ты мне нужна.

Не знаю, что было бы со мной и Радомиром, если бы не помощь университетской подруги. Ольга не просто сделала вид, что не заметила почти десятилетнего молчания с моей стороны, но и помогла с мелким, приехав на полный рабочий день и отложив собственные дела.

— Привет, Рай, — откликнулась Багдасарова через чертовски долгое количество секунд. — Что, опять?

— Снова. Проси прощения за меня у своего мужика, но мне не к кому обратиться в делах такого рода.

— Я понимаю, и он тоже, — ответила Ольга не без нажима, да так, что стало понятно, что это она не мне говорит, а своему тигру.

Я не внял ее совету записать номер зарекомендовавшего себя агентства, отвлекаясь то на одно, то на другое и, конечно же, надеялся, что это конкретный раз — последний.

— Скинь мне номер в ватсапе или смс. Я позвоню им.

Ольга предложила свою помощь. Вновь. Видимо услышала что-то в голосе и поняла, что в это раз я всенепременно позабочусь о том, чтобы стереть эту контору с лица земли. Это уже четвертая нянька, которая пропадает из поля зрения, не сказав при этом ни слова.

— Они выясняют, в чем дело, и уже решают проблему, — проговорила Ольга, перезвонив через несколько очень долгих минут. — Обещают, что вышлют кого-нибудь на замену.

Хорошо бы это случилось до моего приезда.

— Кого-нибудь? — переспросил я, мгновенно офигев от услышанного. — Замечательно!

Дело было не в Ольке.

— Не бери на свой счет, Оль. Просто я херею от этого.

— Раис, мне жаль.

А уж мне-то как жаль, что я остался с младенцем на руках без помощи тех, кто действительно разбирается в этом. Ника уже не вернется. Среди ее родственников только алкаши, которым я не доверил бы даже уборку улицы перед домом. Рафкат — тем более. Оттуда не возвращаются. Оттуда шлют благодать тем, кто еще жив. Вновь я спрашиваю себя: почему эти двое выбрали в опекуны именно меня? Неужели не было среди их друзей и родственников кого-то, кто бы понимал в детях чуть больше, чем ничего? Почему они не выбрали Ренату? У нее трое детей...

— Юлия Анатольевна, я буду дома в течение часа. Агентство обещало прислать няньку через два-три часа. Но все может случиться раньше. Так что дождитесь ее. Хо...

Дальше произошло нечто неожиданное, но от того не менее невообразимое. Голос бейбиситера вдруг отдалился, а там и вовсе пропал. Мигающие точки огней смазались, превратившись в разноцветные линии. Раздался визг тормозов. В салоне запахло стершимися об асфальт покрышками. В лицо и грудь ударила подушка безопасности, заставив задохнуться и выйти из себя одновременно.

— Ты попал, мужик! — крикнули откуда-то справа, заставив дернуться в самом первом желании дать в морду.

Это было первое, что я услышал, когда оказался на улице, сжав в ладони связку ключей. Желание дать в морду оказалось неожиданным, но не менее реальным и правильным. Показалось, что кто-то должен ответить всенепременно за весь трэш в моей жизни.

— Вляпался! — продолжал подсмеиваться мужик, то отходя, то приближаясь к кучке народа, окружившей кого-то. — Миллионы не помогут!

Сизая дымка, огни «авариек» и невесть откуда набежавшая толпа зевак раздражали, мешая разобраться, что же произошло на самом деле.

— Слышишь?!

— Ага. Уймись.

Я подошел к мужикам, а когда они расступились, вступил в центр и посмотрел на того, кого они окружили, и сердце ухнуло в пустоту.

Это была женщина. Беременная, мать ее, женщина! С животом, что глобус из планетария!

Она часто-часто дышала, придерживая живот одной рукой. Другой она опиралась об асфальт, то пытаясь оттолкнуться и встать, то протягивая ее перед собой.

— Мне нужно в клинику. Она недалеко. Пожалуйста! Я жду ребенка. Отведите меня! Она тут, недалеко! Слышите?!

Перемазанная в чем-то овуляшка начала повторяться, переводя взгляд с одного на другого, а потом вновь замолчала с исказившимся от боли лицом.

Это напомнило мне сцену из какого-то старого фильма. Там тоже так смотрели и вели себя, потому что нельзя было ничего поделать.

Стало не по себе. Это чувство мигом забыто, вытиснившись жаром злости.

— Что стоим? Что смотрим? Кого ждем?

— Скорую ждем. Молись, чтобы она дождалась их. Иначе...

Не слушая очевидцев, я присел перед девчонкой, но во все не для того, чтобы успокоить или спросить, как она чувствует себя, а для того, чтобы взять на руки, подняться и направиться обратно к машине.

— Рассказывай, где твоя клиника! — скомандовал, зацепившись пальцами за ручку пассажирского сидения. Я уже потянул ее на себя и чуть не потерял равновесие от взбрыкнувшей на руках ноши.

— Не на машине! — закричала она, вцепившись в лацканы моего пиджака. — Не на машине!

Ткань под ее пальцами затрещала, заставив меня посмотреть на нее.

— Пожалуйста! — взмолилась женщина, даже не подумав о том, чтобы ослабить захват. — Так будет дольше, а она там!

Она мотнула подбородком перед собой и наконец отпустила меня, чтобы продублировать путь рукой.

— Вот это здание! Калитка совсем близко, рядом с остановкой! Давай же! Пока зеленый!

Дорога была пуста. Я ринулся вперед, пересек ее и выскочил на разбитый тротуар. Очнулся я перед крашенной в белое дверью, в которую погружал носок ботинка и орал так, чтобы слышал весь район!

— Открывай, мать твою! Открывай! Немедленно!